

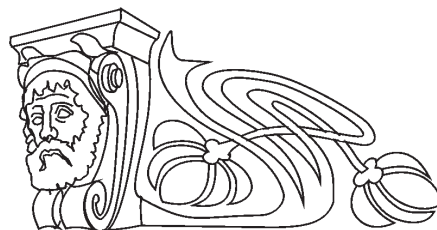
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 293–300
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 293–300
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-293-300>

Научная статья
УДК 811.112.2'276.1

Место китцдойч в рамках литературного немецкого языка

В. С. Загуменкина ✉, Е. В. Белецкая

Тверской филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 170100, г. Тверь, ул. Вагжанова, д. 7

Загуменкина Валентина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры государственной политики и управления, Valentina_Z_87@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7741-7563>

Белецкая Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры государственной политики и управления, Beletskaya-ev@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6355-2169>

Аннотация. В статье анализируются основные определения понятия «языковая норма» отечественных и зарубежных лингвистов начала XX – XXI вв. Так, рассматривается дихотомия Ф. де Соссюра «язык» и «речь», на основе которой строилось большинство исследований понятия «норма». Анализируются определения нормы, данные Э. Косериу, представителями Пражского лингвистического кружка. Социальная и динамическая природа языковой нормы раскрывается в определениях отечественных ученых: А. М. Пешковского, С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова и В. И. Даля, Л. В. Щербы, Л. И. Скворцова. Рассматривается соотношение динамизма и устойчивости и стабильности в отношении языковой нормы. Подчеркивается, что именно языковая норма, являющаяся основой таких понятий, как «правильность/неправильность речи», «культура речи», обеспечивает целостность любой языковой системы. Отдельно выделяется литературно-языковая норма, которой приписываются качества особой правильности. Определяется соотношение литературной нормы и диалектов. Рассматривается понятие литературной нормы в немецкой лингвистике, а также ее значимость в современном немецком языке. Анализируются понятия «литературный (кодифицированный) немецкий язык», «стандартный язык», а также «Hochsprache/Hochdeutsch». В статье рассматривается китцдойч как результат негативного влияния на немецкий язык политических процессов, происходящих в Германии. Китцдойч определяется как социальный диалект, возникший в результате неполной языковой интеграции мигрантов и основанный на смешении грамматических, лексических и стилистических особенностей двух и более языков. На основе анализа текстов выявляются лингвистические особенности социолекта «китцдойч» на лексическом, морфологическом, синтаксическом и фонетическом уровнях. Определяется место китцдойч в просторечии немецкого литературного языка.

Ключевые слова: языковая норма, культура речи, литературный язык, динамическая норма, стандартный немецкий язык, китцдойч, языковые уровни

Для цитирования: Загуменкина В. С., Белецкая Е. В. Место китцдойч в рамках литературного немецкого языка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 293–300. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-293-300>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The place of kitzdeutsch in the literary German language

V. S. Zagumenkina ✉, E. V. Beletskaya

Tver branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 7 Vagzhanova St., Tver 170100, Russia

Valentina S. Zagumenkina, Valentina_Z_87@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7741-7563>

Elena V. Beletskaya, Beletskaya-ev@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6355-2169>

Abstract. The article analyzes the main definitions of the concept of „language norm“ by domestic and foreign linguists of the early 20–21st centuries. Thus, the dichotomy of F. de Saussure “language” and “speech” is considered, on the basis of which most studies of the concept of “norm” were built. The definitions of the norm given by E. Coseriu, representatives of the Prague Linguistic Circle are analyzed. The social and dynamic nature of the language norm is revealed in the definitions of Russian scientists: A. M. Peshkovsky, S. I. Ozhegov, D. N. Ushakov and V. I. Dal, L. V. Shcherba, L. I. Skvortsov. The ratio of dynamism and stability in relation to the language norm is considered. It is emphasized that it is the language norm, which is the basis of such concepts as the correctness/incorrectness of speech, the culture of speech, that ensures the integrity of any language system. The literary and linguistic norm is singled out, to which the qualities of special correctness are attributed. The ratio of the literary norm and dialects is determined. The concept of the literary norm in German linguistics, as well as its significance in the modern German language,

is considered. The concepts of literary (codified) German, standard language, as well as Hochsprache/Hochdeutsch are analyzed. The article considers kitzdeutsch as a result of the negative impact on the German language of the political processes taking place in Germany. Kitzdeutsch is defined as a social dialect resulting from the incomplete linguistic integration of migrants and based on a mixture of grammatical, lexical and stylistic features of two or more languages. Based on the analysis of texts, the linguistic features of the kitzdeutsch sociolect are revealed at the lexical, morphological, syntactic and phonetic levels. The place of kitzdeutsch in German literary language is determined.

Keywords: language norm, speech culture, literary language, dynamic norm, standard German, Hochdeutsch, Kitzdeutsch, linguistic levels

For citation: Zagumenkina V. S., Beletskaya E. V. The place of kitzdeutsch in the literary German language. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 293–300 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-293-300>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Существование языкового идеала у говорящих – вот главная отличительная черта литературного наречия с самого первого момента его возникновения, черта, в значительной мере создающая самое это наречие и поддерживающая его во все время существования.

А. М. Пешковский

Язык любого народа, будучи многослойным, многоуровневым и одновременно целостным явлением, отражает его своеобразие и индивидуальность, является частью его культуры. Практически у каждого носителя того или иного языка есть представление о языковом идеале. Именно этот языковой идеал или языковая норма обеспечивает целостность сложной языковой системы. Языковая норма является основой таких понятий, как «правильность/неправильность речи», «культура речи».

Обычно качества особой правильности приписываются литературно-языковой норме – это «традиционно сложившаяся система правил использования языковых средств, которые признаны обществом в качестве обязательных» [1]. Это эталон правильности речи. Литературный язык соединяет поколения людей, и поэтому его нормы, обеспечивающие преемственность культурно-речевых традиций, должны быть как можно более устойчивыми и стабильными. В случае соответствия речи нормам литературного языка можно говорить о культуре речи. «Это такой выбор и такая организация языковых средств, которые в той или иной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач» [2, с. 57]. Важно не только знание языковых норм, но и умелое использование их в устной речи, т.е. владение ими. Культура речи предполагает высокий уровень общей культуры человека, культуру его мышления, знание языка.

В истории зарубежной лингвистики было несколько попыток обратиться к проблеме языковой нормы и дать определение этому поня-

тию. Так, в начале XX в. Фердинанд де Соссюр, основатель структурализма, проводит различие между языком «langue» как системой правил и знаков и речью «parole» как конкретной реализацией языка. При этом под термином «язык» понимаются и норма, и система. Согласно Соссюру, «язык» – это общий кодекс, который знают все члены языкового сообщества, это социальный продукт, совокупность необходимых условностей, принятых коллективом для того, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности [3]. Как видим, Соссюр только косвенно касался проблемы языковой нормы. Однако дальнейшие исследования нормы были основаны на его дихотомии «язык» и «речь».

С середины XX в. понятие нормы начинает трансформироваться в специальное лингвистическое понятие, отражающее план языковой реализации и различным образом соотношенное с понятиями схемы [4] или системы языка [5], в которых нашло свое выражение представление о его внутренней организации. Например, норма определяется Э. Косериу как система обязательных реализаций, принятых в данном коллективе и данной культурой [6, S. 11]. В понимании Косериу норма не имеет предписывающего характера. А речь – это индивидуально-конкретная реализация нормы [6, S. 9]. Норма, по Косериу, включает в себя все, что является нормальным и обычным в языковом сообществе. Согласно его определению, норме свойственны: системность, связь с языком-структурой, социальность, историчность. Основные мысли Косериу по проблеме нормы нашли широкое признание в лингвистике.

Представители Пражского лингвистического кружка, одного из самых влиятельных течений в лингвистике, также внесли свой вклад в решение проблемы языковой нормы. Пражцы поддерживали функциональный взгляд на норму, источник нормы они видели в узусе, который понимался как конкретное, прямое использование языка [7]. Обсуждение норм представители Пражского кружка проводили на

фоне разграничения устной и письменной речи. Так, Й. Вахек [8] и Б. Гавранек [9] различают две формы существования языка, которые имеют две разные, но взаимосвязанные нормы: норму разговорной речи и норму письменной речи. Норма письменного языка имеет более высокую степень функциональной дифференциации, чем норма разговорного языка, требует более глубокого понимания нормы и обладает большей облигаторностью. Представители Пражской школы исходили не из языковой нормы, а из норм всех форм существования языка. Они говорили о норме социолекта, диалекта, функционально определенного стиля, разговорного или письменного языка. Следовательно, существуют разные «страты», каждая из которых имеет свою норму.

В отечественном языкознании основные подходы к определению нормы были сформулированы к середине XX в. А. М. Пешковским был сделан акцент на социальной и динамической сторонах понятия «норма», которые и придают живость национальному языку. Он определял норму так: «Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет» [10]. Нормативность не связана с неподвижностью норм. Также А. М. Пешковский подчеркивал значимость литературного наречия в сохранении целостности национального языка: «Литературное наречие <...>, понятное всюду, оно непосредственно воздействует на местные наречия и говоры, нивелируя их своим влиянием и задерживая процесс дифференциации» [10].

Мысль о социальной природе нормы прослеживается также в определениях изучаемого термина, приведенных в толковых словарях С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова и В. И. Даля. Важно, что ни в одном из указанных словарей понятие «норма» не отнесено к лингвистическим терминам. Согласно С. И. Ожегову, «норма – это узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй чего-нибудь» [11]. Подобное определение дают в своих словарях Д. Н. Ушаков: «узаконенное установление» [12] и В. И. Даль: «общее правило, коему должно следовать во всех подобных случаях; образец или пример» [13]. Похожее определение нормы, но с лингвистической точки зрения, встречается в энциклопедии «Русский язык»: «Норма (языковая), норма литературная – принятые в общественно-речевой практике образованных людей правила произношения, грамматические и другие языковые средства, правила словоупотребления» [14, с. 163].

Интересным является определение нормы, которое дает С. И. Ожегов в статье «Очередные вопросы культуры речи»: «...норма – это совокупность наиболее пригодных (“правильных”, “предпочитаемых”) для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов» [15, с. 259–260]. С. И. Ожегов подчеркивает социальный характер нормы: употребление тех или иных форм – это сознательный выбор носителей языка. Норма в данном понимании не «навязывается» сверху, это то, что формируется непосредственно в живой среде существования языка, в речи. Об этом же говорил и Л. В. Щерба. В своих трудах он призывал изменять «кодекс наших орфоэпических норм» [16, с. 111] в соответствии с теми изменениями, которые происходили в современном ему языке под влиянием исторических событий. Норма – это свободный выбор социума. Л. В. Щерба разделял понятия «норма» и «кодекс». Норма – это часть системы языка, речевой деятельности, это совокупность вариантов, которые используются конкретным обществом в конкретной исторической обстановке. «Кодекс» – это узаконенный свод правил.

Про языковые варианты в пределах нормы и про функциональный взгляд на норму писал также Л. И. Скворцов [17]. Он ввел понятие динамической нормы, включая в него и признак потенциальных возможностей реализации языка. Языковая норма, понимаемая в ее динамическом аспекте, есть обусловленный социально-исторический результат речевой деятельности, закрепляющей традиционные реализации системы или творящей новые языковые факты в условиях их связи как с потенциальными возможностями системы языка, с одной стороны, так и с реализованными образцами – с другой [17]. Понимание динамической природы нормы включает как статику (систему языковых единиц), так и динамику (функционирование языка). Функциональный аспект нормы связан с таким явлением, как вариантность. Норма выступает в виде двух списков – обязательного и допустимого (дополнительного). В этом – источник вариантов в пределах нормы.

Норма не является исключительной принадлежностью литературного языка. Существуют также нормы «народного» языка (имеются в

виду различные формы диалектно окрашенной речи). Однако литературная норма какого-либо языка обязательна для всех носителей этого языка, а жаргоны и диалекты – лишь для определенной группы людей, в рамках определенной ситуации. В этой связи регламентирующий характер литературной нормы подчеркивается в определении О. С. Ахмановой: «Норма – принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентаций), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида» [18, с. 258]. К понятию языковой нормы в ее традиционном понимании (как эталон, идеал использования языковых средств) жаргоны и диалекты не могут быть отнесены. То, что является нормой для диалектов, не является нормой для литературного языка, а зачастую и противоречит ей. Узус диалектов характеризуется только интуитивным представлением о правильном и неправильном, ослабленной императивностью, избыточной вариантностью, не привязанной к стилям и коммуникативным участкам [19]. Только литературная норма четко определяет понятия правильности и неправильности, основываясь именно на литературной норме, можно дать оценку эстетичности речи. Только литературная норма является идеалом, к которому интуитивно стремится каждый член языкового сообщества. Диалекты лишь составляют периферию литературной нормы.

Однако в современном как российском, так и европейском обществе отношение к языковой норме и к культуре речи резко изменилось. Понятие языковой нормы, которое веками разрабатывали и отечественные, и зарубежные лингвисты, потеряло свою нормативную функцию, расширилось и упростилось. Постепенно стираются грани между правильным и неправильным в речи. А понятие культуры речи исчезает. Подтверждением тому являются процессы, происходящие в современном немецком языке. Так, в Германии в последнее время наблюдается значительное увеличение и без того большого количества диалектов, социолектов, молодежных сленгов и т.д., в которых норма стандартного или кодифицированного немецкого значительно искажена на всех языковых уровнях.

В немецкой лингвистике не существует единого понятия «литературный язык». Так, есть понятие *deutsche (kodifizierte) Literatursprache* (литературный (кодифицированный) немецкий язык) – это язык немецкой литературы, формировавшийся на протяжении всей истории немецкого (верхненемецкого) языка,

характеризующийся строгими письменными и устными нормами [20]. Также есть понятие *Standardsprache* (стандартный язык), который отличается от литературного тем, что является более сухим, деловым, в то время как литературный немецкий свободен в выборе средств выразительности. Существует также термин *Hochsprache/Hochdeutsch* – высокий язык, язык художественной литературы, самый чистый язык. Он относится к литературному немецкому языку и не запятнан диалектами. *Hochdeutsch* – основное средство передачи информации в СМИ, литературе, образовании и бизнесе. То есть все три понятия отграничены от диалектов и никоим образом с ними не пересекаются. Несмотря на отсутствие единого понятия «литературный язык», в сознании немецкого народа всегда было представление о «чистом» немецком, соответствующем языковой норме, о языковом идеале. При этом языковая норма определяется немецкими исследователями как социальное, надындивидуальное явление, образующее «всеобъемлющую крышу, которая обеспечивает диалог и взаимопонимание внутри общества <...>» [7].

Изменение отношения к языковой норме в современном немецком сообществе связано, в первую очередь, с политическими процессами, происходящими в стране. В Германию прибывает большое количество мигрантов турецкого и арабского происхождения, большинство из которых не заинтересованы в изучении немецкого языка. В результате такой неполной языковой интеграции мигрантов возникают особые социальные диалекты, основанные на смешении грамматических, лексических и стилистических особенностей двух и более языков.

Одним из примеров таких современных социальных диалектов является *кицдойч (Kiezdeutsch)*. В переводе *Kiezdeutsch* означает «немецкий язык жилых кварталов». Он зародился в многонациональных районах больших городов Германии среди мигрантов. О *Kiezdeutsch* лингвисты стали говорить с 1990-х гг. [21]. Считается, что *кицдойч* произошел от социолекта *Kanak Sprak* (ругательное слово «*Kanake*» обозначает человека слишком «южной» наружности). Этот ломаный сленг используют турецкие мигранты, плохо говорящие на немецком языке [21]. Однако на *кицдойч* говорят не только выходцы из мультиэтнических районов больших городов Германии, но и немецкая молодежь, в том числе владеющая литературным немецким, вне зависимости от своего происхождения. Главным источником распространения *Kiezdeutsch* яв-

ляются Интернет, комиксы и комедийные шоу. Данный диалект часто встречается в текстах песен, стенд-ап шоу и фильмах.

Лингвистическими особенностями Kiezdeutsch является упрощенная, иногда ломаная грамматика, нарушенный порядок слов, свободное построение предложений, использование неологизмов и заимствований [22]. На всех языковых уровнях в кицдойч выражена тенденция к экономии средств языкового выражения. При этом общий смысл высказывания не искажается.

На лексическом уровне для рассматриваемого социолекта свойственно упрощение и сокращение лексических единиц. Так, зачастую при обозначении места, времени и направления опускаются предлоги (как правило, вместе с артиклем): «Um sieben Uhr steh ich auf, geh Schule» (вместо «<...> stehe ich auf, gehe in die Schule»). «Wenn ich Grundschule war...» («Wenn ich in der Grundschule war...»). Имеется большое количество арабских или турецких заимствований: lan (слово из турецкого языка, используемое для обозначения немецких слов Kerl/Typ – парень/чувак), wallah (по-арабски – Аллах, в кицдойч используется для выражения подтверждения, эквивалент немецкому слову echt), yallah (с арабского – «о, Аллах», используется для побуждения к действию, эквивалент немецкого слова «Los!»). Часто используются глаголы machen и haben вместо других смысловых глаголов (например: «Machst du rote Ampel?» вместо «Gehst du bei Rot über die Straße?»; «Hast du U-Bahn?» вместо «Nimmst du die U-Bahn? / Fährst du mit der U-Bahn?»). Частицы mal, denn, so также встречаются чаще, чем в стандартном немецком. При этом частица so выражает особую экспрессивность, но не добавляет никакого дополнительного смысла в предложение: «Ich höre Alpa Gun, weil der so aus Schöneberg kommt» или «So aus Spaß». В первом предложении частица so можно перевести на русский как «же», она усиливает экспрессивность высказывания: «Я слушаю Альпа Гун, т.к. он же из Шёнеберга». Во втором – перевод близок к русскому слову «так» – Так, ради шутки / Так, по приколу.

На морфологическом уровне особенностью кицдойч является склонность к редуцированным разговорным формам. Часто встречается неправильное употребление форм грамматического времени и категориальных форм склонения и спряжения. В Kiezdeutsch имеется тенденция не использовать определенный артикль. Но определенные артикли могут использоваться как замена личных местоимений.

Неопределенный артикль сливается в потоке речи с предшествующим словом. Наблюдается упрощение форм глаголов, а также слияние их с другими членами предложения (особенно с личными местоимениями). Например, вместо «ich schreibe» можно услышать «ischreib». Для побуждения к совместному действию используется выражение «lassma» (некоторые исследователи его называют фиксированным словом, частицей), образованное от полной формы «lass uns mal». Для инициирования деятельности собеседника используется лексическая единица (или также – частица) «musstu», образованная от «musst du (тебе нужно)». При этом «musstu» также может использоваться при обращении к нескольким слушателями (в стандартном немецком используем «müsst ihr»). Устойчивое выражение «es gibt» сокращается и становится «gibs». Глагол «sein» в значении «быть, существовать» вообще не используется. Kiezdeutsch характеризуется усилением тенденций редуцировать флексии. У притяжательных местоимений отсутствует постфикс, который указывает на род существительного (например, Das ist mein (вместо meine) Nase), а у глаголов первого лица единственного числа отсутствует окончание («Ich sag dir»).

Для синтаксического уровня характерно отсутствие развернутых и осложненных синтаксических структур. Чаще употребляются односоставные и даже однословные предложения. Встречается инверсия: последовательность «предикат – субъект» вместо «субъект – предикат». Прямая речь используется вместо косвенной.

На фонетическом уровне в диалекте Kiezdeutsch звук [r] в конце слов не вокализуется, а в начале слов произносится апикально (звук, близкий к русскому «р»). Характерной особенностью является замена звука [ç] (Ich-Laut) звуком [ʃ] (например, rischtig вместо richtig). Также звук [ts] редуцируется до звука [s]. Для кицдойч характерен ритм стаккато. Слова при данном ритме произносятся отрывисто и резко.

Итак, особенности кицдойч на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом языковых уровнях отличаются от особенностей литературного языка. При этом лингвистические особенности рассматриваемого социолекта не являются исчерпывающими, они могут варьировать в зависимости от индивидуальных особенностей говорящего.

Приведем пример анализа лингвистических особенностей текста на Kiezdeutsch [22]:

Kiezdeutsch	Standartsprache (наш текст)
<p>– nein isch hatte mal in der ubahn eine deutsche frau geschlgn. – Warum denn? – wir standen ubahnhof hermannplatz, nee rathaus neuköln. Wir wollten rischtung hermannplatz fahn. Isch hab da noch ne sigarette inna hand. Kommt so ne alte omideutsche un sagt su mir du scheiss auslända, mach deine sigarette aus un denn geh dahin in eure heimat. Un denn kam ja sowieso die ubahn schon, da ha isch ausgemacht un steige ein auf einma kommt sie un gibt mir eine schELLE.</p> <p>– sie dir? – ja ja. Die kommt die ganze zeit auf mich rauf un isch hab ihr denn ein kick gegebn zwei ... – die sin schimm oma und opa – un danach sa.. denn saß ich swei wochn in lichterrade in jugendknast drin. – hm – Un danach musst isch strafabelt machen.</p>	<p>– Nein, ich habe mal in der U-Bahn eine deutsche Frau geschlagen. – Warum denn? – Wir standen auf dem U-Bahnhof Hermannplatz, in der Nähe vom Rathaus Neuköln. Wir wollten Richtung Hermannplatz fahren. Ich hatte da noch eine Zigarette in der Hand. Da kam eine alte deutsche Frau und sagte zu mir: „Du, Scheißausländer, lösche deine Zigarette und kehre in deine Heimat zurück“. Dann kam schon die U-Bahn, ich löschte meine Zigarette und wollte schon einsteigen, aber da kam auf einmal diese Frau und gab mir eine Schelle. – Sie dir? – Ja, ja. Sie kam die ganze Zeit auf mich rauf und ich gab ihr ein paar Kicke. – Sie sind schlimm, diese Omas und Opas. – Und danach musste ich zwei Wochen in Lichtenrade im Jugendknast sitzen. – Hm... – Und danach musste ich eine Strafarbeit machen.</p>

Анализируемый диалог представляет собой текст переписки двух молодых людей не немецкого происхождения (обращение к одному из них – «Ausländer»). В диалоге сразу бросается в глаза неправильное правописание слов, в первую очередь, практически полное отсутствие заглавных букв, а также пропуск и неправильная замена букв (schimm вместо schlimm, lichterrade вместо Lichtenrade). Знаки препинания также проставлены только в конце предложений, и то, не везде. В середине предложений знаки препинания отсутствуют.

На фонетическом уровне звук [ç] заменен звуком [j] (Isch вместо Ich). Наблюдается редуцирование окончаний: fahn, geschlgn, sin, hab ha, un, auslända, einma, wochn; а также звука [ts] до звука [s]: sigarette, su, swei.

На лексическом уровне опускаются предлоги и артикли при обозначении места (wir standen ubahnhof, nee rathaus neuköln). В выражении «inna hand» соединены предлог и артикль. Часто встречаются частицы mal, so, ja и особенно denn (nein isch hatte mal in der ubahn...; kommt so ne alte omideutsche; ... un denn geh dahin in eure heimat; un denn kam ja sowieso die ubahn schon; denn saß ich swei wochn...). При этом частица denn (же) перепутана с наречием dann (затем). Все они выражают особую экспрессивность, относят текст к разговорной речи и не добавляют никакого дополнительного смысла предложению. Интересными являются слова «omideutsche» и «strafabelt». Слова «omideutsche» в стандартном немецком нет, оно составлено из двух слов: «Oma» (бабушка) и «Deutsche» (немка), т.е. по-

жилая немка. Слово «strafabelt» является редуцированным словом от слова Strafarbeit и созвучно с ним. Глагол «machen» используется в более широком значении и в выражении «mach deine sigarette aus» заменяет глагол «löschen». Также глагол «gehen» употребляется вместо глагола «kehren» (un denn geh dahin in eure heimat). Также встречаются словосочетания, относящиеся к разговорному стилю: eine Schelle geben (дать оплеуху), а также с пониженной стилистической окраской (Scheißausländer).

На морфологическом уровне встречается, в первую очередь, неправильное употребление форм грамматического времени и форм склонения и спряжения. Так, например, в предложении «isch hatte mal in der ubahn eine deutsche frau geschlgn» употреблен Plusquamperfekt (хотя предложение не выражает предшествование, в предложении не описывается давно произошедшее действие) вместо Perfekt. Далее наблюдается смешение времен: Präteritum переходит в Präsens, в некоторых местах появляется Perfekt (хотя идет рассказ о действии, которое произошло в прошлом). В предложении «geh dahin in eure heimat» выбрано неправильное притяжательное местоимение (eure вместо deine), а в предложении «isch hab ihr denn ein kick gegebn» слово ein kick употреблено в номинативе вместо акузатива (einen Kick). В некоторых предложениях опускаются как определенные, так и неопределенные артикли (in jugendknast – in dem Jugendknast; strafabelt machen – eine Strafarbeit machen). Личное местоимение «sie» (и единственного, и множественного числа) часто заменяется определенным

артиклем «die» (Die kommt die ganze zeit...; die sin schimm oma und ora). У некоторых глаголов первого лица единственного числа отсутствует окончание (Isch hab). Опускаются окончания множественного числа имен существительных (die sin schimm oma und ora).

На синтаксическом уровне преобладают простые и сложносочиненные предложения. Также используется простое предложение, осложненное прямой речью, которая никак не оформлена, а также простое предложение с уточнением, уточнение при этом также не оформлено (die sin schimm oma und ora). В предложении: «Kommt so ne alte omideutsche...» нарушен порядок слов («предикат – субъект» вместо «субъект – предикат»).

Исходя из лингвистических особенностей кицдойч, главный редактор журнала «Deutsche Sprache» Т. Паульвиц приходит к выводу, что кицдойч – это не что иное, как пиджин-язык (цит. по: [23]). Автор не поддерживает мнение профессора-германиста Х. Визе, которая считает кицдойч свидетельством успешной интеграции молодежи с миграционным прошлым и утверждает его легитимность в качестве полноправного варианта немецкого языка [24]. Т. Паульвиц же говорит о том, что нельзя ставить кицдойч в один ряд с такими выразительными и красочными диалектами, как баварский, саксонский и швабский. По его мнению, любой, кто говорит «Mein Schwester geht Kino», просто испытывает трудности с немецкой грамматикой. Систематический пропуск артиклей, предлогов и окончаний – не дальнейшее развитие, а деградация немецкого языка (цит. по: [23]).

Завершить статью хотелось бы словами С. М. Волконского: «Чувство языка (если можно так выразиться, чувство чистоты языка) есть очень тонкое чувство, его трудно развить и очень легко потерять. Достаточно самого малого сдвига в сторону неряшливости и неправильности, чтобы уже эта неряшливость превратилась в привычку, и, как дурная привычка, в качестве таковой она будет процветать. Ведь это в природе вещей, что хорошие привычки требуют упражнения, а дурные сами развиваются» [25, с. 40].

Список литературы

1. Норма // Краткий словарь лингвистических терминов. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=279 (дата обращения: 15.01.2022).
2. Ширяев Е. Н. Что такое культура речи // Русская речь, 1991. № 4. С. 52–57.
3. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: Соцэкгиз, 1933. 273 с.
4. Ельмслев Л. Язык и речь // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях : в 2 ч. Ч. 2. М.: Учпедгиз, 1960. С. 56–66. URL: https://www.irlc.msu.ru/irlc_projects/library/file.php/dd3afd82571bed2e95d9ba290e2ada7f.pdf?load=true (дата обращения: 15.01.2022).
5. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) // Новое в лингвистике / под ред. В. А. Звегинцева. Вып. 3. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. С. 142–343.
6. Coseriu E. Humanwissenschaft und Geschichte. Der Gesichtspunkt eines Linguisten. Oslo : Sonderdruck des Jahrbuches der Norwegischen Akademie der Wissensch, 1979. 15 S. URL: <http://www.coseriu.de> (дата обращения: 15.01.2022).
7. Wollmann J. Zum Begriff der Sprachnorm und ihrer Bedeutung für den DaF-Unterricht. Munich : GRIN Verlag, 2012. 21 S. URL: <https://www.grin.com/document/377564> (дата обращения: 15.01.2022).
8. Вахек Й. К проблеме письменного языка / пер. с англ. Т. В. Бульгиной // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. / сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. С. 535–544.
9. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. / сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. С. 338–378.
10. Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А. М. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. URL: https://studopedia.ru/3_148022_a-m-peshkovskiy.html (дата обращения: 15.01.2022).
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1992. 960 с. URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_m_o.txt (дата обращения: 15.01.2022).
12. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1938. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov> (дата обращения: 15.01.2022).
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881. Т. 2. 814 с. URL: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения: 15.01.2022).
14. Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Караулов Ю. Н. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 722 с.
15. Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи : учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1974. 350 с.
16. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с. URL: http://elib.gnpbu.ru/text/scherba_izbrannye-raboty-russkomu-yazyku-1957/go,0;fs,0/ (дата обращения: 15.01.2022).
17. Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи. М.: Наука, 1980. 352 с.
18. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия. 1966. 607 с. <https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/> (дата обращения: 15.01.2022).

19. Кодухов В. И. Введение в языкознание. М. : Просвещение, 1987. 288 с. URL: <https://topuch.ru/v-i-koduhov/index7.html> (дата обращения: 15.01.2022).
20. Литературный немецкий язык // Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1821038> (дата обращения: 15.01.2022).
21. Сорокина Е. А., Темнякова А. А. Kiezdeutsch – диалект современного немецкого языка // Вестник Шадринского государственного педагогического университета, 2021. № 2 (50). С. 274–277. https://doi.org/10.52772/25420291_2021_2_274
22. Krämer D. Kiezdeutsch. Sprachliche und kommunikative Merkmale im sprechsprachlichen Register von Berlinern mit türkischer Herkunftssprache. GRIN Verlag, 2009. URL: <https://www.grin.com/document/133981> (дата обращения: 15.01.2022).
23. Шифман Д. В. «Кицдойч» : молодежный сленг, новый диалект или неправильный немецкий? // Творчество и современность, 2019. № 1 (9). С. 100–105.
24. Wiese H. «Kiezdeutsch». Ein neuer Dialekt entsteht. München : Verlag C. H. Beck, 2012. 279 S.
25. Волконский С. М. О русском языке // Русская речь. 1992. № 2. С. 33–47.

Поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 19.04.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 19.04.2022; accepted for publication 06.05.2022